

С. ТОПОРКОВ

ТРОПАМИ БЕРЕНЦЕЯ

Через всю свою жизнь пронес С. Топорков любовь к природе, к родному северному лесу и его обитателям. В новой книге С. Топоркова, которая выходит посмертно, собраны его рассказы о птицах, зверях, насекомых, повадки и особенности которых хорошо известны автору, подсмотрены и изучены им в его многочисленных лесных походах.

Кто из ребят не слышал о сказочном лесном царе Берендее? И кто из них не захочет пройти тропами Берендея вместе с героями этой книги? На страницах ее юный читатель найдет для себя много полезного и интересного.

ВАШИ
ПЕРНАТЫЕ
ДРУЗЬЯ

АПРЕЛЬ — месяц массового прилета и пролета птиц. И от того, как мы встретим их, будет зависеть количество пернатых в наших садах, парках, огородах, полях и лесах.

Грач — первый вестник весны. Он хороший помощник по уничтожению личинок озимой совки, проволочника. Все знают, что стаи грачей всегда следуют за плугом, выбирая из земли вредителей. Привлечение грача не требует особых усилий. Если есть в окрестностях поля и луга, удобные для гнездования деревья, грачи непременно селятся в таких местах.

Скворец прилетает к нам в первой декаде апреля. Эта птица требует к себе большего внимания. Привлечь скворца к жилью — значит в десятки раз сократить количество вредных насекомых на огороде. Многие из скворцов селятся в дуплах деревьев в лесу. Охотно занимают они и скворечники различных типов. Только при устройстве скворечника надо помнить, что не любят птицы крашенных и выструганных домиков, домиков со щелями.

Мелкие певчие птички — прекрасные сторожа садов. Кто хочет получить хороший урожай плодов и ягод со своего сада, должен позаботиться о таких птичках. Домики для них строятся по типу скворечников, но леток, да и сами домики делаются более мелких размеров.

Птицы — наши помощники. Охрана их — дело всенародное. Особенно большими друзьями птиц могут и должны быть школьники.

Но чтобы лучше заботиться о птицах, надо хорошо знать их привычки и особенности. С этим и познакомят читателя собранные здесь рассказы.

ГРАЧИНАЯ СМЕКАЛКА

Б

ЕСПОКОЙНАЯ пора начинается у грачей сразу же по прилете из жарких стран. Старые грачи заняты в это время ремонтом своих прежних гнезд. Надо утеплить их для будущих грачат и сделать помягче, не мешает и бортики гнезда подправить... Да мало ли неполадок появилось в грачином хозяйстве, пока хозяева гостили в далекой Индии или Африке!

А отремонтировать гнездо не так-то просто. Ведь в распоряжении грача только один инструмент — клюв. Мне приходилось наблюдать, как старый грач минут десять трудился, пытаясь вытащить березовую веточку из-под лежащей на земле жерди.

Ну, старые грачи — еще ладно. А молодым какво! И опыта у них нет, и материал не скоро найдешь. А если попробуешь веточку из чужого гнезда вытащить, такой шум поднимется, что хоть из рожи совсем убирайся. Весь грачевник зашумит и обрушится на любителя легкой наживы.

Но не всегда так бывает. Вот нынче в грачевнике, что на березах у оврага, грачи целое гнездо растащили — и хоть бы что. А дело оказалось в том, что парочка грачей, хозяева этого гнезда, не вернулась на роди-

ну. Не повезло, очевидно, им на чужбине, а может, беда случилась и в пути. Члены же колонии быстро смекнули, что гнездо бесхозное.

КРЫЛАТЫЕ БАРОМЕТРЫ

ЗАМЕТНАЯ птица скворец. Редкий человек, может быть, один из тысячи, не обратит внимания на прилет этого вестника весны.

— Ну, все, теперь весна на попятную не пойдет, — порадовался я, любуясь прилетевшими в середине марта скворцами. И вдруг... скворцы исчезли. Все. Как по мановению волшебной палочки.

«Куда они могли подеваться? — подумал я. — Пора бы уж и яички откладывать...»

А через сутки после исчезновения скворцов внезапно похолодало. Сырой, крупный снег тяжелыми хлопьями завалил землю. Ни одного темного пятнышка не осталось в полях, лугах и лесах.

Но через неделю, когда снова потеплело и освободилась от неожиданного груза земля, скворцы опять появились.

Оказывается, скворцы за сутки-двое чувствуют приближение ненастья и улетают в районы, которые не будут захвачены снегопадами. Не птицы, а настоящие барометры. Только крылатые.

Но если скворцы сели на гнезда и начали насиживать птенцов, то, несмотря на похолодание, с места они уже не снимаются.

ЗАБОТЛИВЫЙ ПАПАША

ДУПЛЯНКУ у избушки метеостанции облюбовала парочка скворцов. Загнездились птички, птенчиков вывели. Писк в домике стоял целый день, хотя родители из сил выбивались, стараясь насытить свое прожорливое потомство. И чем птенчики становились больше, тем больше и есть просили. А тут еще случилась беда.

Ударил гроза. Да не простая, а с градом. Скворчиха вмиг юркнула в дуплянку, а скворец, то ли чтобы показать свое геройство, то ли чтобы не стеснять подросших птенчиков, остался снаружи. Забрался на крышу дуплянки, расхаживает по ней и вдруг... камнем

вниз, на землю: ударила его в темечко крупная градина.

Всю ночь провел скворушка на земле. Хорошо еще, что кошки к нему в гости не наведались. Утром же, едва взошло солнце, начался обычный концерт скворчат. Мать — за кормом. Но разве одна она сможет накормить такую ораву? И птенцы в это утро пищали настойчивее и громче, чем всегда. Скворец взволнованно бегал под скворечником, вспрыгивал на камешки, на жердочки, таскал в клюве большого червя, но взлететь не мог. И только в десять часов, когда вопли в домике стали невыносимыми, отошел немного папаша, сделал попытку подняться и — полетел. Правда, неуверенно, словно слеток, но все же полетел. А к вечеру он уже почти не уступал в резвости своей супруге.

Через два дня скворцы покинули скворечник, улетели в луга. Там хлопот все же меньше: птенцы скорее научатся сами корм искать.

СКВОРЧИНЫЙ ДЕТСАД

СКВОРЦЫ — птицы общительные. Лишь весной, когда приходит время потомство выводить, они разбиваются на пары. А как только отойдет пора гнездованья, собираются в большие стаи и до отлета кочуют по лугам и полям.

Слетки скворчиные тоже народ дружный. Как-то в середине июня шел я берегом старицы. С одной стороны — заливной луг, с другой — мелкие заросли ольховника и суходол. В середине ольховника высилась сосна с огромной кроной. Глянул я на нее и не сразу понял, в чем дело. Вся крона словно бы шевелилась, верещала, пищала...

Оказывается, скворчата вылетели из гнезд и вот впервые вместе с родителями перелетели за реку. Может быть, это событие они так бурно и обсуждали.

А почему для этого они выбрали именно эту сосну, я понял позднее: родители летали на луга, примыкающие к ольховнику, и часто возвращались с кормом к сосне, подкармливая этот своеобразный детский сад. И, кстати, такой сад очень удобен для скворцов: все

время кто-нибудь из родителей находится на сосне, так что дети не остаются без присмотра взрослых ни на минуту.

А через несколько дней, когда крылья у скворчат окрепли, они стали вместе с родителями летать по лугам и полям. Но свою сосну все же не забыли, собираясь сюда для отдыха и неотложных совещаний.

КУКУШЕЧЬЯ ХИТРОСТЬ

НЕДАЛЕКО от Пермаса по берегу Юга раскинулись живописнейшие места. Настоящая Никольская Швейцария! Только называют ее здесь Красной Горкой.

Как-то я с друзьями выбрался в Красную Горку отдохнуть. Лагерь мы раскинули недалеко от воды. По соседству с нами в густой купе ивняка стояла одинокая старая береза. Один из сучков у нее выгнил, и горихвостки устроили там гнездо. Сядет горихвостка на веточку, посмотрит на нас, дрогнет ржавым хвостиком, сорвется вниз, схватит мушку и — снова на ветку сядет. Ловко это у нее получается!

Заглянули мы в дупло, а там пять яичек голубых, как небо, лежат. Не стали мы птичкам мешать, отошли в сторону.

Готовим обед и вдруг видим: птица ястребиной окраски к гнезду наших знакомых летит. Горихвостка — в атаку. Шум подняли. Из кустов сайка пеничек вынырнула, зарянки появились, дрозды... И вся эта птичья армия унеслась вслед за кукушкой вниз по реке.

— Отогнали бездомную! — радовались мы.

Только напрасно мы радовались. Едва птичья стая скрылась, к гнезду горихвосток другая пестрая птица шмыгнула, чуточку потучнее первой — самка.

Кукушка заглянула в дупло, выбросила оттуда одно яичко и юркнула в гнездышко... Когда птица улетела, мы проверили дупло: в нем снова лежало пять голубеньких яичек!

Вернулись горихвостки, но перемен в квартире не обнаружили. Так и будут высиживать кукушонка.

ТАНЦОРЫ

С УТРА запасмурило. А с полудня зарядил мелкий, как бисер, дождь. Но неужели дома сидеть? День-то выходной.

Забрав тулку, выхожу на улицу и направляюсь к старице, где печально уткнулась носом в берег выдавшая виды лодка.

В том месте, где старица соединяется с рекой, образуется длинный и узкий, как наконечник копья, полуостров. Подплываю к нему и вижу: райские птицы тут турнир устроили. Со щитами, с рапирами так и бегают, так и бегают. Ну, ни дать ни взять — танцы птичьи. А танцоры все разноцветные. Ни одной пары похожей нет. Вот франт с синеватым щитом-воротником, выкинув длинными ногами замысловатый фортель, встал против черного петушка и сережки кровью наливает. А вон усталились друг на друга рыжий и оливковый танцоры, чуть правее — белый и охристый. Каких только нарядов нет! И какое им дело до дождя, если в жилах весна играет!

Засмотрелся я на турухтаний ток и не решился на такую красоту ружье поднять. А вот летом турухтан — птица так себе, серовато-бурая, неприметная.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ ДУПЕЛЕЙ

МАЙСКИЙ день догорал. Солнце опустилось в ельник где-то на Вахрамеевских угорах. Сразу потухли тени. Посвежело. Начало смеркаться.

Сухая боровая грива, на которой мы с женой расположились, окружена со всех сторон сырими лугами с травянистыми болотцами. Вокруг болотец — лозняк и кочкарник. На гриве же — ягель, зеленые мхи, стройный сосняк с разбросанными по нему елками.

Хворост, припасенный днем, египетской пирамидой возвышается неподалеку от костра. Мы лежим на мягких еловых перинах и в ожидании чая ведем неторопливый разговор, вслушиваясь в звуки вечернего леса: кукушка кому-то годы отсчитывает, бекас весну празднует, а вот тетерев бормотнул...

Но постепенно птицы замолкают. Все реже и реже слышится веселая трель зяблика, замолкает пеночка-

весничка, не тревожат больше душу тоскливые крики чаек.

Разливаем в кружки черный, как деготь, чай и вдруг слышим совсем рядом, на нашей же поженке, необычное такое «кнеббеббеббебб...»

Настораживаемся. Я поднимаюсь и, бесшумно ступая по мягкому мху, иду в сторону загадочных звуков.

Пройдя метров двадцать, останавливаюсь перед небольшой сухой лужайкой. Приспосабливаю на нос очки... Передо мной птицы, похожие на бекасов. Но клюв у них вроде короче. Да и крайние рулевые белые. Хвост тоже не как у бекаса — закруглен. Величиной птицы с дрозда-рябинника.

Не замечая меня, они бегают по полянке, взъерошив перья. То одна из птиц, то другая вытягивает шею, поднимает кверху клюв, быстро-быстро щелкает им, и тогда раздается: «кнеббеббеббб... кнеббебб...» У других птиц шея откинута назад, клюв прижат к груди, крылья опущены, словно у дерущихся петухов, а хвост веером поднят к голове. Эти издают какой-то трескучий звук, словно ногтем по расческе проводят.

Птицы сходятся, дерутся, разбегаются, и снова звучит так поразившая нас песня...

— Ну, что там такое? — спросила жена, когда я, спустившись на еловую постель, взял в руки остывшую кружку с чаем.

— Дупеля токуют, — разъяснил я, вынимая из кармана записную книжку.

Всю ночь до утренней зари слушали мы свадебные песни дупелей.

ПОЛЕВОЙ ВОРОБЕЙ

КАК-ТО в начале мая, идя берегом реки, заметил я мелких птичек, суевившихся у знакомой мне колонии ласточек-береговушек.

«Кто тут хозяйничает? — удивился я. — Ведь береговушки еще не прилетели».

Подойдя ближе, я узнал полевых воробьев. До прилета хозяев они заняли их квартиры-норки и успели обосноваться в них.

«Придется ласточкам новые норки рыть, а то и в

другие места подаваться, — подумал я. — Выжить на-
стырных воробьев им не под силу».

Так и случилось. Через год все гнезда колонии бы-
ли заняты воробьями.

Полевой воробей — птица поистине вездесущая. Где
только не встретишь ее! И в поселках, и в кустарни-
ках по берегам водоемов, и по заливным лугам... Лю-
бит он гнездиться и за наличниками окон, под крыша-
ми домов, в дуплах деревьев и даже в гнездах хищных
птиц!

Отличить полевого воробья от городского можно по
коричневому темечку и черным пятнышкам на щеках.
Зимой часто и городские и полевые воробьи летают
вместе. Летом же оба вида обособляются, но как тот,
так и другой приносят большую пользу, уничтожая
огромное количество вредителей овощных культур.

ДОМИК-НЕВИДИМКА

СРЕДИ птиц много мастеров по устройству и
маскировке своих жилищ. Не скоро обнару-
жишь гнездышко овсянки, замаскированное где-ни-
будь у кустиков или кочек, в пучке прошлогодней тра-
вы. Трудно найти гнездо соловья на фоне прошлогод-
ней листвы. Кстати, у него и яички под цвет полу-
стгнивших бурых листьев — шоколадные. Хорошо пря-
чут свои гнезда сорока, рябчик, тетерев...

А вот зяблики не только прячут свои гнезда, но
еще и облицовывают их под цвет окружающей обста-
новки. И так искусно, что обнаружить гнездо зяблика
очень не просто.

В июне я шел с ребятами в заболоченном распад-
ке по узенькой тропинке, вившейся по склону увала.
Ельник в распадке был давно вырублен и вместо него
в низине буйно разросся ольховник и ивняк. Между
частыми стволиками пробивалась к свету таволга и
тянулись вверх острые, как лезвия обоюдоострых
клинков, листья осоки. Одна-единственная елка, сохра-
нившаяся в этом ольховом царстве, вымахнула над
кустарниками у самой тропинки. Возле елки примос-
тились высокий муравейник, полузакрытый густыми
ветками.

Заинтересовавшись работой неутомимых муравьев, мы свернули к их «городу», и сразу же около нас закрутились зяблики — самец и самочка, перелетающие с места на место с тревожными криками «тень-тень...»

— Гнездо близко! — говорю ребятам.

Стали искать. Сильнее всего птички беспокоились тогда, когда мы находились приблизительно в метре от ствола елки. Присмотрелись к стволу, к сучкам дерева — ничего похожего на гнездо. Что за напасть! Мы, наверное, так и ушли бы, не обнаружив гнезда, если бы Юрка случайно не задел удилищем елового сучка прямо над головой. Только качнулся сучок — запищали, заголосили птенцы...

Сбросив рюкзак, я первым полез на дерево, на ствол которого, как слезинки, застыли капельки янтарно-прозрачной смолы. Поднялся я метра на полтора, смотрю — в развилке сучка гнездышко. Сделанное из сухих травинок, круглое, аккуратное, оно снаружи было так искусно отделано лишайником-бородачом, что совершенно сливалось с сучком. И только окаймленные желтыми ободочками, широко раскрытые и тянущиеся кверху клювики полуперившихся птенцов выдавали его присутствие.

Ребята по очереди также поднимались на елку смотреть шумливых птенцов, а когда мы все снова собрались под деревом, как ни присматривались, гнезда обнаружить не смогли. Вот это маскировка! Настоящий домик-невидимка!

Вьет зяблик гнезда и на березе, но тогда он вплетает в домик кусочки тонкой березовой коры-бересты. И домик полностью растворяется в переплетении березовых ветвей. Смотри не смотри — не увидишь, если какая-нибудь случайность не поможет.

ВОРОНЬЯ ШКОЛА

РАНО выводит ворона своих птенцов, но и держит их при себе долго. Надо ведь научить несмышленишей всему, что в жизни пригодится. И школу свою воронята проходят, как только научатся из гнезда выбираться. Один из уроков вороньей школы удалось подсмотреть и мне.

...Лежу как-то на пляже и вижу: на противопо-

ложный берег реки ворона с тремя воронятами прилетела. День жаркий, а там, под берегом, густая-густая тень. Прохладно. Повела ворона своих детей вдоль кромки воды. Ракушки пустые клювом переворачивает и все время что-то бормочет на своем вороньем языке, но не громко, а так спокойно, словно подбадривая: «Кра-кра... кра-кра...» И воронята следом за матерью повторяли все ее движения. Только один все время в сторону отбивался, пытаюсь показать свою самостоятельность. Так и прошла воронья семейка от Крутика до Перовского озера. А затем, посоветовавшись, все семейство перелетело на мою сторону и расселось метрах в пятидесяти от меня на пляже, где он круто поднимался к луговине. Между мною и воронами лежала большая мелководная лужа, в которой каким-то чудом уцелело десятка два рыбьих мальков. Недоверчиво посматривая на меня, часто останавливаясь, старая ворона направилась к этой луже. Воронята в некотором отдалении, подпрыгивая бочком, следовали за ней.

Вот и лужа. Ворона, еще раз убедившись, что я не двигаюсь, шагнула в воду, ловко схватила рыбешку и бросила ее на берег. Воронята съели добычу. Еще одну рыбешку выбросила ворона, издав при этом негромкое «кра-кра... кра-кра...» Очевидно, дала понять детям, что больше не намерена их кормить — добывайте, мол, сами пищу, как я. И воронята поняли, залезли в воду и разбрелись по всей луже.

Немного погодя, смотрю, они уже клювами переворачивают затонувшие в луже кусочки древесной коры, щепки. Некоторые из них что-то на берег выносят. А потом, обсохнув на куче дров, вся воронья семья улетела за реку, в лес.

Отправляясь домой, я заглянул в лужу: ни одного малька там не осталось. Вороний урок, по-видимому, прошел успешно.

ПОДАРЕННАЯ СВОБОДА

НАПРАСНО мать торопила своих пестрых цыплят. Пугаясь в набравшем уже силу клевере, пушистые комочки продвигались вперед медленно и выскочили на полевую дорогу как раз в тот момент,

когда я с товарищем возвращался по ней с ночной рыбалки. Через минуту мы держали в руках по желтовато-охристому пуховичку.

Утро сияло. Звон птиц, рассыпавшихся в кустах, золотая паутина косых солнечных лучей, серебро росистых трав, — казалось, все-все для радости человека. Но радости-то этой у нас в душе и не было. Исчезла. Смотрим мы друг на друга, а в глазах у каждого виноватые искорки. И в сердце иголками вонзается квохтанье тетерки, собирающей у перелеска заблудившуюся в буйных травах семью.

Не сговариваясь, молча наклоняемся, а выпрямившись, видим благодарные кивки клеверных головок, мимо которых пробежали наши недавние пленники. Мы подарили им все самое-самое дорогое: лес, синеющий за полем, звонкое небо, в которое скоро взметнутся они на окрепших крыльях, лесные ручьи с росыпью галек по берегам... И в сердце каждого из нас вновь вернулась радость. Так бывает всегда: сделаешь кому-нибудь приятное, и у самого на душе праздник.

ДРУЖНАЯ АТАКА

ПТИЦЫ, гнездящиеся на земле, обычно отводят от гнезда любого постороннего, притворяясь ранеными. Так, например, тетерка подпрыгивает, бьет по земле крыльями, приседает перелетает метра на два-три и снова падает в траву, словно подняться не может... Иначе ведут себя птицы, гнездящиеся на деревьях. Способом, который применяет тетерка, тут не обойтись: ведь враг не по земле, а по деревьям к гнезду подбирается...

Однажды в мае, когда у рябинников вывелись птенцы, деревенские мальчишки решили достать их и вырастить дома. В ясный день мальчишечья ватага отправилась в сосняк с примесью ели, где бытовала большая колония рябинников.

Самый бойкий и ловкий из мальчишек Славка первым полез на дерево. Обхватив ногами и руками толстую ель, он ловко добрался до первых сучьев и устремился к большим, словно зимние шапки, гнездам. Но едва он проделал половину пути, хозяева гнезда подняли невообразимый гвалт и бросились в глубь ро-

щи. Через минуту около елки, на которую взбирался Славка, собралось все взрослое население птичьей колонии. Рябинники яростно носились между деревьями, но близко к Славке не подлетали. Он же, уверенный в успехе, подвигался все ближе и ближе к гнезду. Однако, когда он почти достиг цели, птицы всей кучей навалились на него. Они больно щипали клювами спину и в довершение всего окатывали Славку жидким зеленоватым пометом...

Добраться до гнезда он так и не сумел. Оглушенный, ослепленный, в ставшей из белой пестрой рубахе, он комом свалился с дерева и сердито буркнул друзьям: «Лезьте сами! С меня довольно!»

САНИТАР

СЕРОВАТО-бурая птичка со светлым низом, по которому разбежались пестринки, загнездилась под карнизом школы. Беспокойное место, шумное, а ей хоть бы что: сидит себе да глазком-бусинкой на всех посматривает.

Вывела птичка потомство и стала его кормить. Вблизи от гнезда — выгребная яма, а около нее мух всегда много. Сядет мухоловка на забор и караулит. Чуть поднимется жужжалка в воздух и... пропала: бросится птичка с забора — хватить муху! И летит с добычей к гнезду. А птенчики только этого и ждут: раскроют желтые клювики и пищат, сколько сил есть. Отдаст мамаша корм деткам и снова на забор. И так более четырехсот раз в день! Семнадцать часов в сутки работает беспокойная пичуга; сколько мух — разносчиков многих заразных болезней уничтожит она, чтобы прокормить свое прожорливое потомство!

Полезная птица мухоловка, птица-санитар.

ПЕРЕВОЗЧИКОВА ЗАВОДЬ

НЕКРУТОЙ изгиб реки. Перекат. Справа — небольшие ивовые кустики, слева — песчаная отмель. Вода, сбегав с перебора, успокаивается и ходит задумчиво, кругами. Дно от самого берега круто уходит в глубину...

«Лучшего места не сыскать», — разматывая удочки, думаю я.

Времени еще много, клев начнется позднее, а поэтому, закинув удочки на всякий случай, я отхожу в сторонку. Набрав щепок и сучьев, принесенных на запески весенним половодьем, развожу костер, подвешиваю над пламенем котелок.

«Посидеть около удочек, что ли, пока вода закипит?» Иду. Течение, хотя и несильное, покрутив лески в глубине, вынесло их к самому берегу. На одной из них болтается обсосанный кусочек червя, а на другой... Другая леска лежит на берегу.

«Неужели забыл забросить? Но тогда почему она в кустах?» Беру удочку в руки, и вдруг на леске забился... кулик. Перевозчик. Маленький симпатичный куличок, оживляющий своим немудрым пением плесы реки.

Теперь мне все понятно. Бродил куличок по пляжу и, конечно, заметил червя, которого вместе с леской прибило к берегу. Разве от такой добычи откажешься?

Осторожно подтягиваю кулика к себе, перехватываю крылья. Крючок у самого кончика клюва. Хорошо, что кулик не успел проглотить его.

Освобожденный куличок рванулся с ладони и радостно запикал, перелетая через реку.

«Теперь будет жить!» А заводь эту с тех пор так и называем — Перевозчикова заводь.

БОЙ В ВОЗДУХЕ

В НЕБЕ жарко пылало солнце. С лугов несло густым и пряным ароматом цветущих трав.

«Наверное, гроза собирается, — думаю я. — Парит». И тут же замечаю еще одну примету близкого ненастья: береговушки низко по-над землей летают.

Присмотрев поблизости раскидистую елку, под которой можно схорониться от дождя, я присаживаюсь над обрывом и наблюдаю за жизнью колонии береговых ласточек. Береговушки — прекрасные летуны. С виду это маленькие нежные птички с буроватым верхом, белым низом и слабовильчатым хвостом.

Я вижу, как они то и дело снуют взад и вперед,

скрываясь на секунду в своих норках-гнездах и снова, словно камень, выпущенный из пращи, выбрасываются в воздух.

Береговушки летали за добычей вверх по течению реки. А там, недалеко от берегового обрыва, заканчивался неширокий перелесок, рассекавший почти пополам прибрежный суходол. Ласточки каждый раз пролетали мимо перелеска. И вот, когда одна из них поровнялась с ольховым кустиком, оттуда выскользнула вдруг длиннохвостая птица с поперечным рисунком на груди.

«Перепелятник! Пропала ласточка!» — мелькнула у меня мысль. Но в тот же момент заметили хищника и ласточки, возвращавшиеся с добычей. Стрельбой криками устремились они в атаку. И ястреб растерялся. А ласточки стремительно набрасывались на него и быстро отлетали прочь. Затем, описав в воздухе крутую дугу, снова наваливались на возмутителя спокойствия. Количество береговушек все прибывало. Ястреб уже не думал о добыче. Беспорядочно бросаясь из стороны в сторону, он упорно приближался к лесной опушке и, наконец, скрылся в кустах...

Переживая грозу, я восхищался храбростью дружных береговушек.

УЛЕТЕВШАЯ УХА

СВЕЖАЯ уха — штука отменная. Особенно на воздухе. Решив отведать ее, мы с братом отправились тихим вечером попытать свое рыбацкое счастье. У Перовского озера оно не улыбнулось нам, у Трубина рыба клевать тоже отказалась. Только у Яшкиной запани на стремительном камешнике натолкнулись мы на стайку проголодавшихся пескарей.

«Маленькая рыбка большого таракана лучше», — вспоминаю я отцовское присловье, и одну за другим выхватываю извивающихся на леске рыбешек. Серебряными колечками то и дело вспыхивают они и на удочке Вячеслава.

Клюют пескари бойко, но ловить их надоедает быстро. В поисках другой рыбы поднимаюсь на уснувшую у берега запань. Подводная песчаная коса, круто уходящая в глубину, оказалась настоящим рыбьим

Эльдорадо. Окунь, ельцы, сороги и голавли клюют поминутно.

— Брось пескариков-то дергать, иди лучше сюда, — приглашаю я брата.

И он, поскрипывая галькой, перемещается к запани.

Оборвался клев неожиданно. И мы засобирались домой.

— Где твои пескари? — спрашиваю брата.

— Да вон там в ямке лежат, — показывает он.

Подходим: на песке только следы вороньи.

— Вот так раз! — возмущается брат. — У меня же тридцать шесть рыбок было — целая уха!

— Ничего не попишешь, — говорю, — улетела твоя уха. В следующий раз умнее будешь.

ВЫНУЖДЕННЫЙ ПЕРЕЕЗД

ЮГ — РЕКА длинная и петляющая. Течет она, заблудившись в лесах и оставляя там и тут тихие спокойные старицы. Одна из таких стариц вклинилась в наш зеленый городишко. Стоят по сторонам ее домики, глазают на темную воду и на длинный, как лезвие ножа, осоковый островок. А из осоковых зарослей в летние парные ночи задорно кричит свое «Увидь!» невидимый погоньш. Давно он тут поселился и каждое лето исправно выводил свое узкотелое потомство.

Может быть, и до сих пор квартировала бы тут голосистая пичуга-полуночица, да напала на горожан «гусиная эпидемия». Развели они горластых гусей да прожорливых уток. Ходят плосконосые по островку, орут, как ватага пьяных бузотеров.

Пришлось погоньшу новую квартиру искать. Переселился он, правда, недалеко: за реку, в болото, которое у нас Лягушатником называют. Но теперь «Увидь! Увидь!» слышится печально и чуть слышно, словно боится погоньш, что и оттуда его выгонят.

ПТИЧЬИ ВАННЫ

В ЖАРКИЕ летние дни на мелководье можно часто увидеть купающихся птиц. И вороны, и галки, и кулики, и голуби и другие пернатые чистю-

ли охотно лезут в нагретую ласковую воду... Забредет птица по колено и ну приседать, головкой воду на спинку забрасывать, крыльями разбрызгивать — только радуга сверкает!

Ну, летом неудивительно. Мы, люди, тоже к воде стремимся... А в другое время года?

...В мае как-то шел я лесной тропкой. Ручьи еще только-только к реке сбежали, песчаные боровинки чуть просохли. Смотрю — впереди, в мягкой земле, след от сапога отпечатался. И весь он до краев чистой, как слеза, водой заполнен. А вокруг земля птичьими крестиками исписана.

«Что они тут делают? Неужели больше напиться негде?» Сел под елку. Жду. И вот прилетает на тропинку полевой воробей. Чирикнул, бойко зыркнул по сторонам вороватыми глазками и — бух в след! Трепещет крылышками, приседает. Ну, ни дать ни взять — расшалившийся мальчишка.

Накупался воробей, вылез, встряхнулся и тяжело на осенку взлетел — на солнышке понежиться.

А в октябре, когда уж и снежок несколько раз выпадал, когда воздух посвежел настолько, что люди подумывать стали о зимних пальто, увидел я в городе купающуюся в луже желтобокую большую синицу. Изящная, с черным галстучком на шее, в черной же шапочке, птица, словно летом, плескалась в студеной воде.

Даже зимой на незамерзающих мелководьях часто можно видеть купающихся ворон, галок, голубей... Искупаются, а потом еще в снег лезут — перо сушат. Не все ли им равно, какое время года, если перо загрязнилось. Не любят птицы грязи. Чистюли!

Правда, можно увидеть и то, как птицы «купаются» в пыли, в песке, в золе. Такая ванна тоже свою цель преследует: избавить хозяев от паразитов-пухляков.

ПЕРНАТЫЙ ШТУРМАН

ЗАРЯНКА, малиновка — так называют небольшую оранжевогрудую птичку. Где только ее не встретишь! И в дремучем ельнике, и в глухом лесу, и в полевом овраге, и в смешанном лесу... Только обязательно в местах ее жительства должны быть

густые заросли кустов, крапивы, бурьяна, молоденьких елочек...

В грибных походах частенько забродишь в такие дебри, что, кажется, никого живого тут не встретишь. Присядешь на пенек покурить и вдруг услышишь отчетливое такое: «тик-так-тик...». Оглянешься осторожно и увидишь: по нижним веточкам густых елочек перепархивает птичка, словно оранжевое яблочко катится. А она посмотрит на тебя глазком, поклонится, вздрогнет хвостиком, словно поздороваается, и снова исчезнет. Любит малиновка одиночество, но с пришельцем всегда выглянет поздороваться. Вежливая особа.

Если увидишь в лесных полусгнивших пнях, или около них, в кочках, гнездышко с розовато-желтыми в ржавых пятнышках яичками, знай — это гнездо малиновки. Правда, иногда она гнездится и в дуплах, но невысоко над землей.

Прилетает малиновка к нам в апреле и в это время любит на зорях садиться на верхушки высоких елок и петь свою незамысловатую, но звонкую песню. За эту особенность петь по зорям она и получила в народе свое название — зарянка. А малиновкой ее кличут за оранжевую грудку.

В район малиновки входят не только насекомые, но и ягоды. Поэтому осенью она не спешит улетать, задерживается до конца октября.

Эта маленькая птичка, самая обычная в наших местах, обладает замечательной способностью ориентироваться по звездам. Летит она обычно ночью, в одиночку, и во время осенних и весенних перелетов путь свой прокладывает по небесным светилам. Настоящий пернатый штурман! А сама-то воробья меньше.

ЗОЛОТОЙ ВЗРЫВ

РЕШИВ набрать корзинку маслят, бреду я осенним лесом. На руке — корзина, на носу — очки. Только бесполезны они: опавшие листочки словно приклеились к маслянистым шляпкам — попробуй, усмотри!

Набродившись вдоволь по молодому сосновому бору, выхожу на заброшенную лесную дорогу. Густо за-

росла она порыжевшими по осени травами, а вдоль дороги выстроился молодой березняк. Тонкие стволы белеют в сумраке леса, осенняя прозолоть сверкает в кудрявых вершинах. Быстрой змейкой шуршит в опавших листьях озорной ветер.

Там, где дорога под прямым углом поворачивает к западу, вымахнула высоченная ель. Темна ее хвоя. В осеннем лесу стоит ель, словно в трауре по ушедшему лету.

Подошел я к ней, и вдруг из-под ели золотым снопом взметнулись вверх опавшие березовые листья. Золотой взрыв! Это вырвалась из-под вороха листьев и взметнулась в хмурое небо крепкая птица, краснобровая, черная, с синим отливом.

— Черныш!

У какого охотника не дрогнет сердце при виде такой добычи. Но мое ружье дома. Да мне и не жаль этого: птица в родной стихии в тысячу раз красивее птицы в ягдташе.

НЕУДАЧНАЯ ОХОТА

ДЕНЬ БЫСТРО угасал. Солнце, упав за остроконечный разлив елового моря, раскинувшийся на горизонте, потухало. Мы плыли на лодке по разливавшемуся выше плотины Югу и удивлялись быстрой смене красок угасающего дня.

Лодка ткнулась в травянистый мысок. Мы вылезли на берег и, устроившись возле кустов ивняка, залюбовались наступающей ночью.

Смеркалось. Притихли стайки куликов фифи, перевозчиков и турухтанов. Только одна из птиц беспокойно носилась над рекой, оглашая засыпающие воды тревожными криками.

Неожиданно от заречного леса отделилась большая тень и, стремительно несясь в потемневшем воздухе, бросилась на стайку куликов. Те взметнулись, разлетаясь в разные стороны. Парочка же фифи, которая находилась ближе всего к страшной птице, нырнула в воду.

С плеском ударился о водную гладь болотный лунь, но... поднялся без добычи. Сконфуженный, он улетел на заречный огород и сел на изгородь, приго-

рюнившись. А фифи, хлопотливо покричав, разместились в траве у самой реки. Пойди поищи их теперь, тем более, что совсем темно стало.

АФОНИН ПОМОЩНИК

А ЕДУ АФОНЕ без малого восемьдесят. Скрючилось его, согнуло в три погибели, голова оголилась, словно спелый одуванчик под ветром, но в глазах еще живинка. Любит он и крепкое словцо, и веселую шутку, и без работы никак не может. Так и председателю сказал:

— Не могу я, Степаныч, без работы-то. Хоть к чему-нибудь приставь...

Вот так и оказался Афоня сторожем колхозного зерносклада. До поры до времени все шло спокойно. Дед ходил, гордо выпятив щуплую грудь: не без работы, мол, и мы...

Беда нагрянула неожиданно. Заметил Афоня, что во ржи много каких-то черных зернышек появилось. А рожь в амбар отгружалась отборная, для посева.

Присмотрелся Афоня и ахнул:

— Мыши! И откуда их нелегкая принесла?

Чего только ни делал Афоня! И мышеловки ставил, и отравленные приманки разбрасывал. Не идут мыши ни на что.

— Да и что им лезть на свою погибель, ежели отборное зерно под носом? — рассуждал дед в конторе.

Кот Васька, которого Афоня тайком от бабки Омельяны принес из дому, сбежал, отказавшись помогать деду. Пригорюнился Афоня, с лица спал.

— Надо от работы отказываться. Стар стал, если с мышами справиться не могу. Засмеют, — думал он, в расстроенных чувствах обходя зерносклад. И вдруг заметил на полу обезглавленную тушку мыши. Огляделся: еще одна, еще... И все без голов.

За несколько дней дед около тридцати обезглавленных мышей подобрал и решил: Пойду к председателю, спрошу, кого это он мне в помощники определил...

Пришел дед в контору, выложил на стол председателю свою добычу.

— Вот, — говорит, — как дело-то пошло,

Все присутствующие сначала вытаращили глаза, онемели, а потом грянул хохот:

— Ты уж не сам ли, Афоня, ловишь?

— Ишь как ловко: р-раз — и нет головы!

— Ну и глаз у тебя, Афоня, точнее кошачьего.

— Ай да Афоня! Как картошку в чугунке, мышшей ловит!

Обиделся дед, ушел. А по дороге домой надумал: Пойду-ка я к учителю Александру Степановичу. Авось, поможет...

— Так много, говоришь, мышшей в амбаре? — переспросил его учитель.

— Тьма-тьмуцая! Отродясь эстоль не видывал...

— Покарауль-ка ты, дед, вечером. По всем приметам, сова тебе помогает. Когда пищи много, она у мышшей только головы съедает, лакомые для нее, а остальное бросает.

Затаился дед в амбарном углу, сидит, не шелохнется. Слышит, мыши завозились, писк подняли. Но вот в сгущающихся сумерках упала сверху бесшумная тень — только ветерком деда обдало. Мыши прекратили возню. А тень так же бесшумно унеслась под крышу, и вскоре рядом с дедом что-то мягко шлепнулось.

— Мышь безголовая—догадался дед.—Правильно учитель говорил. Ну, на то она и наука, чтобы все знать.

А сова вывела всех мышшей и исчезла.

БЕРКУТ

ШЕЛ ДЕД Афоня с палочкой в руках загонять гусиное войско в хлев. Выходит он из ольховника, что луг окружает, а в двух шагах от него здорового гуся беркут рвет. Рассердился дед, взмахнул клюшкой и — трах орла по широкой башке. Очумел беркут, а дед Афоня его за крылья и — в деревню.

Только орел не гусак, держать его в хлеве не будет. Подумал дед и отнес орла в школу.

Сначала беркут дичился, но вскоре стал брать из рук мясо и даже позволял гладить себя по голове. Но все время печально смотрел на небо из окна биологического кабинета.

Жаль было держать в плену гордого царя птиц, жаль было и убивать его для изготовления чучела. К тому же, беркут — птица редкая и подлежит охране...

Провожать орла высыпала вся школа. Окольцованного царя птиц вынесли на косогор, сняли с головы черный халат. Оглянулся орел, словно не веря своей свободе, шагнул под уклон раз-другой, легонько подпрыгнул, и крылья, кажется, без всяких усилий понесли его в родную стихию.

ЗМЕЯ В ДУПЛЕ

КАК-ТО сидел я с дедом Афоней на берегу таежной Лундонги. Времени было уже около полудня, и рыба брала лениво.

— Давай-ка, пока не клюет, подкрепимся, — предложил Афоня.

Быстро наладив немудрый рыбацкий костер, мы предались беседе.

Меня удивило, почему Афоня забраковал место привала, которое выбрал я. А место было замечательное: небольшая лужайка, отгороженная от реки лентой ивняков, удобная тропинка к воде, цветастый луг перед глазами... Красота!

Но Афоня выбрал другое — высокое место на суходоле. Вблизи из деревьев только одна береза, под которой мы и отдыхаем. Да еще старый дуплистый пенек рядом с ней. А до реки — метров четырехста.

— Почему ты мое место забраковал? — пытаю я деда, блаженно вдыхающего окуневое благоухание.

— А ты разве не знаешь? Змей здесь полно. Устройся где-нибудь в низинке — как раз на гадюку напорешься, — говорит он, приваливаясь спиной к дуплистому пню.

И только спина его коснулась свернувшейся в трубочку бересты, как раздалось злое змеиное шипение. Афоня молодым жеребенком взвился с места. Покатился с бугорка опрокинутый котелок с ухой...

Вскочил на ноги и я. А в это время из дупла выпрыгнула вдруг небольшая буровато-серая птичка с темной полоской вдоль спины. Села она на березовый сучок, перышки на темечке вздыблены, головой вер-

тит, шею вытягивает, шипит. Ну, точь-в-точь потревоженная гадюка!

— Тьфу ты, — заругался на нее Афоня. — Так и до кондрашки недалеко...

А птичка, заслышав человеческий голос, хрипло вскрикнула и скрылась в редкой березовой рощице на другом конце луговины. Вскоре оттуда раздалось гнусавое «кяй-кяй-кяй-кяй...»

— Сколько раз, проклятая пугает, а все привыкнуть не могу, — оправдывался Афоня, заметив мой ехидный взгляд. — Ну, теперь все дуэла проверять стану...

— Да-аа, — подумал я, — смешная птица вертишейка. Надо же так приспособиться врагов от гнезда отпугивать...

ДВА ХРАБРЕЦА

В НАЧАЛЕ сентября возвращалась бабка Христя из лесу с корзиной грибов. Задумалась бабка, глядя на светлеющие к осени деревья. И вдруг совсем рядом раздалось страшное такое: «Кххх!» Вздогнула бабка, остановилась, смотрит, а в двух шагах от нее сидит на земле большая бурая птица. Растопорщила она перья, повернула к бабке кривой клюв с ярким, как яичный желток, основанием — и вид у нее такой: не подходи, растерзаю! Только Христя не испугалась. Сняла она фартук, накрыла птицу, спеленала, как ребенка. «Ну, — думает, — орла поймала. Вот будет разговоров в деревне!»

Но, как выяснилось, это был не орел, а осоед. Летел он, голодный, в теплые края, и на пути нашел гнездо земляных ос. Только начал лакомиться, а тут, откуда ни возьмись, бабка подкатила. И страшно человека и добычу оставлять жалко. Вот и решил осоед сам напугать бабку. Да бабка-то, на его беду, не из робкого десятка оказалась.

РОГОВЫЕ РУКАВИЦЫ

К АК ТОЛЬКО закружатся в воздухе белые мухи, залезаем мы в зимние пальто, надеваем шапки-ушанки и на руки натягиваем рукавицы.

А вот у птиц ноги всегда голые. Не сошьет же, скажем, тетерев себе варежки. Да и ни к чему они ему. Зимой у птиц к голым ногам приток крови усиливается, и они не мерзнут. А кроме того, по бокам пальцев вырастают у куриных роговые бахромки-оторочки. И это не только для тепла. С такой оторочкой по снегу, как на лыжах, ходить можно — нога не проваливается. А когда ветки деревьев обледенеют, бахромка помогает удерживаться на них.

ЯСТРЕБИНКА

ПРОКЛАДЫВАЯ первую в году лыжню, я заметил над полем, сжатым с трех сторон густыми перелесками, какую-то необычную птицу и показал ее дочери, которая шла на лыжах вместе со мной. Позже, пробегая мимо этого поля, мы с Наташей всегда видели ее и уж не представляли лыжной прогулки без встречи с нею.

Птица ястребиной окраски с длинным хвостом и большой круглой головой подолгу висела в воздухе на одном месте, словно толчком продвигалась вперед и снова висела над полем. Иногда она камнем падала вниз, быстро схватывала что-то на снежной пелене и скрывалась в соседнем березняке...

Мы выяснили, что птица эта — ястребиная сова. Называют ее еще и березовой. В отличие от других сов, охотится она в дневное время.

...Как-то, продираясь на лыжах сквозь густой ельник, мы вдруг услышали выстрел, звонко разнесшийся в перелесках.

— Кажется, у нашего поля, — с тревогой сказала дочка.

Оглядев поле и никого не увидев там, я постарался успокоить Наташу:

— Наверное, пальнули, испугали птицу, а сами, не задерживаясь, промчались дальше.

Решили все же еще раз внимательно осмотреть поле. И на невысокой, преждевременно засохшей елочке заметили нашу давнюю знакомую. Сидела она как-то неестественно и подозрительно на нас поглядывала. Попробовали приблизиться к ней, она — от нас. Мах-мах крыльями... и в снег сунулась. Барахтается в сне-

гу, а взлететь не может. Подбежали к ней, хотим в руки взять, а она клювом угрожающе щелкает...

Наконец все же взяли мы ее. Вблизи она нам еще красивей показалась. Большие черные глаза с золотым ободочком, опущенные длинные ресницами, смотрели на нас испуганно и укоризненно, словно говоря: «Эх вы, люди!»

— Не напрасно ее березовой называют, — заметила Наташа. — Сядет такая в березняк — попробуй усмотри!

Принесли мы совушку домой. На ночь в подполье посадили, а днем вынесли в комнату. Мяса ей дали. Сначала дичилась она нас, но затем попривыкла и стала брать мясо лапкой — совсем как человек рукой. Поднесет к клюву и отщипывает маленькими кусочками. Смешно ест!

Через недельку, решив, что совушка поправилась, вынесли мы ее на улицу, подбросили в воздух, но она тут же приткнулась к стене дома. Снова взяли в руки, а она хоть бы что — привыкла уже к нам.

Всю зиму жила у нас ястребиночка. И хлеб свой не даром ела: вывела всех мышей в доме. А весной, когда в воздухе победно разнеслись запахи талой земли, вынесли мы ее к веселой березовой рощице. Всю дорогу сидела сова спокойно, крутила круглой головой, не пытаясь освободиться. На закрайке поля посадили мы ее на пенек, отошли в сторону. Осмотрелась птица, шагнула к краю пенечка и взмыла в воздух легко и бесшумно. Задержалась на минутку над опушкой, словно прощаясь с нами, и серой тенью скрылась в березовом разливе...

Летом около этого поля появился выводок березовых сов.

ЛОВУШКА

ПЕЧАЛЬНО и нежно догорал короткий зимний закат. Стайка тетеревов, сидевшая на вырвавшейся из лесу березе, стремительно нырнула вниз. Пробив верхний плотный слой снега, птицы раздвинули нижний рыхлый, втиснули свои крепкие тела в спасительную темницу и задремали. Тепло и безопасно.

А ночью ударила оттепель. Оплавились верхние снежинки, занастоведи, Проснулись косачи утром, ту-

да-сюда, а выбраться из ловушки не могут. Не под силу им, крепким птицам, оказалась настоящая корка. И день, и два, и три боролись птицы за свою жизнь. Только на четвертые сутки, когда погода стала мягче, выбрались птицы на свободу.

Бывает и так: снежная спальня становится для птиц белой могилой.

ЛЕСНОЙ ХИРУРГ

МНОГО врачей охраняют здоровье нашего зеленого друга — леса. Пронирливые синицы и степенные поползни — терапевты, а вот дятлы увлекаются хирургией. Серьезно и деловито простукивает дятел молоденькую голую осинку.

— Здорова!

А вот старая морщинистая ива вызвала у хирурга подозрение. Он долго возился с ней: и с той стороны постучит, и с другой, и выше, и ниже...

— Ага! Нашел!

Болезнь — личинка жука-дровосека в древесине, ниже сухого сучка. Началась операция. Снег под ивой зажелтел от древесной трухи, и ее уже сноровисто проверяют синички. Но хирургу не до них: нашел ход личинки, а клювом ее не возьмешь — узко. В ход пускается другой инструмент: длинный, круглый, клейкий и острый, как шило, язык накалывает вредителя и извлекает его наружу. Операция закончена, начинается новое обследование. И так целый день.

Любит дятел семена хвойных деревьев. Найдет в лесу пенек с расщепами или дерево с выгнившим сучком, вставит туда шишку основанием вниз — и ну долбить! Только чешуйки монетками ложатся на белый снег. Прикончит дятел одну шишку и летит за другой. Новую шишку прижмет грудкой к стволу, а старую клювом выбрасывает.

Дятлов в наших лесах много: трехпалый, желна, большой и малый пестрые, седой... Едва постучишь ножом по сухому дереву, и вот уж из-за ствола ближней березки выглядывает дятлова головка в красной шапочке.

РЕВИЗОР

ЛУНКИ, цепью вытянувшиеся поперек реки, на глазах заносило снегом, и поплавки скрывались под ледяной кашей. Клева не было. Рыбаки часто сходились у костра, курили, рассуждали об изменчивом рыбацком счастье...

Проверив дальние лунки, иду к костру и я. На ходу замечаю: мой рюкзак, брошенный у ольхового кустика, чуть дрогнул. Стираю с очков растаявшие снежинки, подхожу ближе. В мешке определенно кто-то возится! Пустая его верхушка ходуном ходит. «Кто же это может быть? — думаю я.

Из рюкзака вдруг показывается птичий хвостик, а затем и вся желтобокая красавица — большая синица. Уселась на мешке, с любопытством глянула вокруг черными дробинками и, удовлетворенно пискнув, улетела к ближней елке, унося в клюве что-то белое.

С интересом проверяю свои пожитки. Хлеб цел, сахар на месте, а вот срез колбасы глянул на меня пустыми глазницами из-под кусочков сала...

— Ревизор-то со вкусом! — смеются рыбаки.

СЛЕД НА СНЕГУ

СНОВА выпал мягкий и легкий, как пух, снег. Но на лыжах еще не пройдешь.

Я бреду лесной опушкой, пытаюсь прочесть письма на горностае, которые он оставил тут ночью. И неожиданно попадаю на след человека, который выводит меня к небольшой лесной полянке. Вижу: паренек лет двенадцати с раздумянными на морозе щеками, в сдвинутой на затылок шапке-ушанке, в ватнике, расстегнутом у ворота, сыплет что-то в небольшой ящичек, прибитый к стволу сосны. Не показываясь из-за деревьев, наблюдаю за ним.

Паренек негромко свистит и тотчас из-за деревьев появляется пара больших синиц. Не пугаясь человека, они садятся на кормушку и, благодарно попискивая, принимаются за еду. А по ближним кустам краснеют грудками снегири...

Заговариваю с пареньком. И он охотно рассказывает о том, как решил сделать здесь кормушку, чтобы помочь птицам перезимовать зиму.

— А почему ты у дома кормушку не сделаешь? — спрашиваю я его.

— Гм, сделай дома... Васька все равно изничтожит.

— Какой Васька? Кот?

— Да нет. Сосед наш. Делал я у дома кормушку. Снегири летали, синицы, воробьи. Только Васька с рогаткой всех распугал. Теперь и близко не подлетают.

— Какие же птицы к тебе в лесу прилетают?

— Синицы бывают. Они даже на плечи и на руки мне садятся. Я для них нарочно сало ношу. Снегири — те осторожнее. Пока не уйду, все в сторонке сидят. Им я рябину оставляю. Несколько раз дятла у кормушки видел. В красной шапочке. Смешной такой, длинноносый...

Помолчал парнишка и добавил:

— Наблюдаю я за ними. И в дневник все записываю... А вот вырасту — с птицами да зверями работать буду...

«Как знать, — думаю я, простившись с моим новым знакомым, — может быть, эта тропка, проложенная в заснеженном лесу, — начало его большой и интересной жизни».

ЛЕСНЫЕ ОБИТАТЕЛИ

Судьба ЛЫЖНИК

СИЛЬНЫЕ снегопады скрыли корявый осенний лик земли. Лишь кое-где по пригоркам да окраинам полей торчат из-под снежной пелены макушки высоких былинки, словно недавно вылезли они на свет, чтобы подивиться красоте начала зимы. А полюбоваться, действительно, есть на что. Тонким кружевом покрыты круглоголовые ивняки, персидской вязью окутаны ломкие ольховники и девически чистые березняки. Темные ели чуть припорошены легкими снежинками, будто накинули на плечи кисейные полушалки. А на земле — снежная целина. Я первый иду на лыжах по сверкающей пороше, и за мной голубишной светится стынущий в снегу след.

Через недельку я снова бегу знакомым путем и не узнаю его. Кто-то, кроме меня, и не один, прошел по лыжне — она уплотнилась, затвердела и превратилась в постоянную дорогу. А еще через недельку по новому пути пробирались не только лыжники и пешеходы, но и трудолюбивые лошадки с возами приятно пахнущих на морозе дров.

Мне несколько не жаль исчезновения уединенной лыжни, по которой я делал лесные обходы для наблюдения за жизнью природы. Ведь любой путь начинает торить кто-то. И очень приятно сознавать, что стежкой, проложенной тобой, идут другие. Пусть и для них лес откроет свои многие удивительные тайны.

ЛЕСНЫЕ НАХОДКИ

В О ВРЕМЯ лесных скитаний, если человек внимательно вглядывается в жизнь природы, можно найти много интересного. Немало таких находок накопилось и у меня.

Сколько раз приносил я домой корни елочек, похожие на фигурки чертей и животных, любопытные наплывы на березах и ольшинках, разнообразные перья птиц...

Об одной из моих находок расскажу подробнее. Бежал я однажды на лыжах по косогорам и вырубкам вдоль лесной речушки. Здесь мрачные лога чередуются с веселым раздольем пожен и приречных склонов, березняки сменяются осинниками, осинники ельниками — и так без конца.

Неожиданно внимание мое привлек темный предмет, повисший на молоденькой березке. Что за штука? Для чего? Свернув с лыжни, приближаюсь к загадочному предмету. Рог! Лосиный рог! Какая удача!

Смотрю — хорош, только мышцы лесные слегка погрызть успели.

К весне лоси меняют рога. У основания их появляются наплывы. Беспокоят они зверя, и лось часто чешется о деревья. Поэтому рога-лопаты часто остаются в развилках ветвей.

Освободится бык от одного рога, а второй еще больше мешает, перевешивая голову на одну сторону. Приходится таким же путем и с другим расставаться.

Чем старше бык, тем больше отростков на рогах, тем они тяжелее. А мою находку носил молоденький бычок — всего три пальчика вытянулись. Но все-таки это рог лесного красавца, зверя таежных раздолий.

ГДЕ ЗИМУЮТ КОМАРЫ?

ПОДГОНЯЕМЫЕ морозом, бежим мы с товарищем на лыжах к Погорелице, мечтая попить чайку из вкусной погорелицкой воды. Вот и река. Закованная в ледяную броню, она не смирилась и нет-нет да вырвется на свободу, образуя наледи.

Косари, сборщики грибов и ягод понастроили по речке много шалашей. Мы с Юркой забрались в один из них.

Бревенчатые прокопченные стены, односкатная крыша из елового корья, еще не потерявшее аромата сено на земляном полу... Вокруг мощные ели с грузно осевшими под снежной навесью ветками, старые дуплистые пни.

У входа в шалаш разжигаем костер. Прорубив лед на речке, зачерпываем в котелок воды, пропахшей опавшим листом. В ожидании чая сидим и греемся у жаркого пламени. Ворчит вода в котелке. Изредка слышится вскрик работяги-дятла. Но вдруг в эти привычные звуки вплетается тонкий... комариный писк.

«Наверное, костер чудит», — думаем мы. Однако писк не прекращается. Оглядываемся вокруг и замечаем летающего по шалашу комара. Вот так штука! Это в тридцатиградусный-то мороз!

Конечно, появление летнего надоеды заинтересовало нас и мы принялись обшаривать шалаш и место возле него в поисках комариных прятушек. Юрка об-

наружил застывшего комара в дальнем, еще не прогретом, конце шалаша. А я нашел сразу двух в дупле соседнего пня... Вынесенные к костру, они ожили и с характерным писком поднялись в воздух...

Так и зимуют комары. Точнее, комарихи. Заберутся в прохладные пустые захоронки и, оцепенев, ждуг теплых летних дней. А летом, отведав крови человека или животных, отложат яички и дадут жизнь новым полчищам кровососов.

Неприятны, надоедливы комары летом. Но сейчас, в лесу, по пояс утонувшем в сыпучих снегах, мы даже обрадовались им, словно с летом встретились.

У СУХОЙ ОСИНЫ

МЕДЛЕННО скользили лыжи, нащупывая занесенную снегом дорогу. Устал Юрка, совершая очередной обход линии. Наконец, выбившись из сил, присел под мертвой осиной, развел костер. Дым сизой лентой потянулся к вершине сухостоины. Проследил Юрка за ним взглядом и увидел дупло. Из него неожиданно показалась недовольная мордочка... Выметнулась из теплой квартиры куница, шлепнулась в снег почти у ног опешившего Юрки и легко, словно на лыжах, заскользила в густую хмарь ельника.

Когти у связиста были с собой, а любопытство превозмогло усталость. Пушистый хвостик да капли крови на мягкой подстилке рассказали ему о ночной драме, разыгравшейся в беличьей квартире.

ХИТРЫЙ ОХОТНИК

У КРАЯ старой вырубki уснула под снежным одеялом лесная речка Выдринка. На берегу ее — коряжистый еловый пенек. Сверху замело его снегом, но между узловатых ног осталась округлая отдушина.

Когда за верхушки заиндеветших берез зацепился двурогий месяц, показалась из нее хищная мордочка белого зверька. Как стальная пружина, выметнулся он на голубоватый ночной снег и исчез. Только две черные соринки на снегу остались. Это вышел на охоту горностай.

Не повезло ему: проверил у лесного огорода мышиную норку — пусто, заглянул под нависший над берегом Выдринки обрыв, где вчера разыскал замерзшую лягушку, — и там ничего...

Под утро, когда побледневшая от мороза луна стала исчезать, побежал горноста́й к большому полю, у противоположного конца которого зоркие глаза хищника заметили стайку серых куропаток, пробиравшихся к заснеженному гумну. Миг — и горноста́й исчез, ушел под снег...

А через несколько минут, подняв снежный вихрь, куропатки рванулись в холодное небо, беспорядочно крутятся. Наконец, собравшись в стайку, они унеслись на своих коротких крыльях в сторону ивняков. Но одна птица не поднялась вместе со всеми — осталась на снегу...

Маленький тонкий горноста́й прекрасно ориентируется под снегом. Если к добыче нельзя подобраться поверху, он охотится за ней снизу. Правда, птицу он редко таким образом тревожит, но мышам от хитреца достается. Иногда, охотясь за ними, он сутками изпод снега не показывается.

ДЯТЛОВЫ НАХЛЕБНИКИ

ВОТ И СНОВА мы на речке Погорелице. Но шалаша, в котором когда-то пили чай, не сохранилось. И береза, под которой был шалаш, закопчена снизу. Значит, спалил кто-то шалаш.

Однако попить чаю под говор лесной речушки можно и без шалаша, тем более, что береза у крутого изгиба речки уцелела, а для нас она памятна тем, что здесь мы впервые увидели, как лакомится березовым соком работяга-дятел. Вот и сейчас, едва мы приступили к чаепитию, раздалось знакомое ритмичное пофыркивание: ффр... ффр... Конечно, это наш знакомый — большой пестрый дятел. Как обычно, подновив строчку отверстий, он лакомится весенним соком березы.

Но... вдруг с ближней елки метнулась к березе быстрая тень. Дятел с испуганным вскриком исчез за речкой. Там, в высокой дуплистой осине, темнело от-

верстием его жилище-дупло. А на березовой веточке уже раскачивалась пушистая белочка.

Не теряя времени, белка пробежала по сучку, стрелой взметнулась к вершине дерева, где дятлом были пробиты лунки-отверстия и... припала к ним.

Смешно пьет белка березовый сок! Попьет, попьет, головкой потрясет, словно кошка, смочившая усы, прислушается к чему-то и снова начинает лакомиться...

Много в лесу любителей сладкого березового сока. И муравьи, и дятлы, и бабочки разные, и самцы комаров не прочь его отведать и вот — белочки.

Для всех лесных лакомок по весне открывает киоск «Соки-воды» неутомимый дятел.

БЕЛИЧЬИ КЛАДОВЫЕ

СОЛНЦЕ только позолотило макушки высоких деревьев, а я уже подумываю об отдыхе. Выбрав укромное местечко под нависшими ветками вечнозеленой старухи-ели, снимаю лыжи.

Сажу тихо, посматриваю из засады вокруг. И вдруг прямо передо мной шлепается в снег серебристый пушистый ком.

«Белка! Что же ей надо на вырубке? Поведение зверька заинтересовало меня. Вот он спокойно движется по вырубке, изредка склоняя мордочку к снегу. Вот направляется к высокому древнему пеньку, надвинувшему снежную шапку на самые глаза. Здесь белка останавливается и вдруг скрывается в облачке снежной пыли. А еще через минуту весь зверек уходит под снег.

Быстро, не закрепляя, надеваю лыжи и бегу к месту происшествия. Напуганная белка выскакивает из ямки и длинными прыжками устремляется в сторону ближайшей елки.

На пути к дереву зверек роняет на снег какой-то черный предмет. Подхожу — сухой гриб! Теперь все становится понятным: с осени белки запасают грибы, накалывая их на сухие сучки и забивая под отставшую кору старых пней.

Запах грибов белки чувствуют через тридцатисантиметровую толщу снега. Конечно, белки не помнят

всех своих кладовок, но места для них подбирают похожие одно на другое. Поэтому если припрятанные запасы не найдет хозяйка, то их обнаружит другая белка. Удобно, не правда ли? Особенно, когда голодное время настает.

КОВАРНАЯ ЛОДКА

С УТРА просмолили лодку, а к вечеру смола, разогретая щедрым солнцем, ровным слоем разошлась по днищу. Лежит лодка на подставках-бревнах, как новенькая, будто покрыл ее кто-то без нас черным и блестящим, как вечерняя вода, лаком. А посмотришь на нее издали и кажется, что это не лодка, а небольшое лесное озерко с теплой и пахучей водой.

Подойдя утром к лодке, я удивился: на ней словно коллекцию насекомых кто-то собирал. Были тут сотни короедов, дровосеков, гребляков, плавунчиков, комаров и даже водомерка одна. В вечерних сумерках, обманутые мнимой водой, водные жуки смело бросались навстречу гибели. А короедов, очевидно, привлек запах смолы.

У ПОЛЕВОЙ СТЕЖКИ

Ж АРКИМ днем брел я закрайком ржаного поля. Из уса­тых колосков высунулись наружу молоточки пыльников и, потряхивая головками, пускали по ветру легкую и тонкую пыльцу. Все поле волновалось, колыхалось, словно беспокоилось о судьбе вырвавшихся на свободу пылинок.

На краю поля, у тропинки, обнажив в мертвом оскале тонкие иголки зубов, лежала серая полевка. Узор велосипедного колеса, извиваясь по стежке, исчезал в густой шерсти зверька...

«Интересно, кто первый найдет добычу? — думаю я. — Дай-ка прослежу!»

Пока я курил и маленькими глоточками пил воду в тени раскидистой ивы, тушка мыши стала чуть ниже, словно в землю вросла.

«Что за наваждение? Ведь не высыхает же она так быстро!» Не отрываясь, наблюдаю за грызуном и скоро замечаю: чуть-чуть шевельнулся трупик и стал еще ниже...

«Неужели в глазах от напряжения дрогнуло?»

Взяв прутик, подхожу к полевке, переворачиваю ее, а под нею — ямка. В ямке же штук пятнадцать жуков. Черные. С ярко-оранжевыми полосками.

Могильщики! Так называют этих красивых жуков. Несимпатичное название, а жуки полезные. Они хоронят трупы всех мелких зверьков и птичек. А самочки откладывают в них яички. И личинки потом все гниущее мясо уничтожают. Недаром и считается могильщик санитаром.

Запах разлагающегося мяса могильщики чувствуют очень далеко, а поэтому их и собирается много в одном месте.

НЕУКЛЮЖИЙ РЕКОРДСМЕН

ДЕНЬ ВЫДАЛСЯ на редкость удачным. Небо такое веселое, солнца — хоть отбавляй. После работы вышел я в огород немного позагорать. Только устроился, прилетел толстый шмель и заворочался в огненной лилии. Пришла дочка Наташа, ткнула прутиком в широкую спину полосатого лакомки и он, недовольно гудя, тяжело качнувшись в воздухе, умчался к духовитым зарослям смородинника.

— У-уу, какой неуклюжий! — укоризненно бросила Наташа.

Я промолчал. Ведь и мы, взрослые, привыкли считать шмеля увальнем. Посмотришь иной раз, как он, по-медвежьи переваливаясь, ищет в цветке нектар, как трудно разворачивается в воздухе, невольно улыбеешься и обвинишь его в медлительности.

Только медлительность шмеля кажущаяся. Он — самый быстрый летун. Даже лучшие современные самолеты уступают ему в скорости.

Не верите? Давайте считать... «ТУ-104» пролетает за час 900 километров, шмель — 18. Но ведь «ТУ-104» перед шмелем — это все равно, что слон перед мухой.

Попробуем измерение вести несколько иначе. «ТУ-104» за час покрывает расстояние в пятнадцать тысяч раз больше его собственной длины. Шмель же за это время успевает пролететь расстояние, в котором его собственная длина укладывается один миллион раз! Выходит, что шмель летает быстрее, чем «ТУ-104», в шестьдесят шесть раз... Вот тебе и увальень!

ЖУЧЬИ ОЧКИ

МНЕ ОЧЕНЬ нравятся жуки. И вот решил я собрать коллекцию. Каких только не было в ней жуков! И шоколадные носороги, и золотистые бронзовки, и яркие могильщики, и бойкие жужелицы, и тяжелые в полете сине-стальные навозники, и светло-коричневые майские жуки, и неповоротливые божьи коровки, и стремительные скакуны, и плоские плаунцы... Всякие жуки были у меня. Даже огромную лесную жужелицу-платизму черную — и ту поймал. А вот вертячку все никак не могу. И жучок-то маленький, а не могу поймать — и все тут.

Стремительно, кругами, словно маленькие моторные лодочки, носятся вертячки по поверхностной пленке воды в тихих заводях в прудах, озерах и старицах. Жучки блестящие, со стальным отливом. И уж как только я к ним ни подбирался! И тихонько подкрадывался, и быстро подбегал, и снизу, из-под воды, сачком зачерпывал, и сверху веслом по воде бил — все ничего.

А дело, оказывается, в вертячкиных глазах. Каждый глаз у этого маленького, но бойкого жучка разделен пополам. Верхняя половинка хорошо видит над водой, а нижняя — то, что под водой расположено. Настоящие жучьи очки! Да еще и биноккулярные.

ЛЕСНЫЕ ОХРАННИКИ

ЛЮБИТЕЛИ лесных походов знают, что не всегда приятен отдых у старых ноздреватых пней, потому что именно в них любят селиться черные муравьи. Несколько крупнее черных их собратья — рыжие лесные муравьи. Только эти строят свои гнезда-города из хвойных игл.

Муравьи оказывают лесу неоценимую услугу, уничтожая огромное количество лесных вредителей. Зона действия только одного муравейника охватывает около полгектара. В течение лета на каждом из деревьев в своей зоне муравьи истребляют свыше пяти-сот вредных насекомых. Как правило, деревья в лесах, где есть муравейники, меньше подвергаются нападениям насекомых, лучше растут. Неудивительно по-

этому, что во многих западноевропейских государствах муравьев охраняют и даже специально заселяют ими лесные массивы. И очень жаль, что мы зачастую относимся к этим полезнейшим насекомым варварски. Есть любители поджигать муравейники. Часто встречаешь в лесу муравьища, развороченные палками. Такие муравейники быстро исчезнут: промерзнут зимой, зальются весенними водами. И лес вокруг захиреет.

Настоящий друг леса никогда не поднимет руку на рыжих муравьев — лесных охранников.

ПОЕДИНОК

МАШИНА, вырвавшись из сумрака дремучего ельника, остановилась на косогоре, и перед нами открылась таежная речка Лундонга. Прибыли мы поздно и пока ловили на уху, стало смеркаться. Разложили костер. Ожидая, когда закипит вода в котелке, нарубили елового лапника и удобно устроились на ночлег.

Едва солнце проглянуло сквозь туман и начало пить росу, я встал и, решив наедине занести в записную книжку впечатления прошедших суток, направился вверх по косогору. На опушке леса я сел на сухой березовый пенек, огляделся и с головой ушел в работу.

От занятий меня оторвало легкое пыхтение и шелест жухнувшей травы. Поднял голову, огляделся и вижу: смешно перебирая лапками, бежит по косогору еж. Бежит колючий отшельник и не замечает меня: зрение-то у него неважное. Правда, нюх хорош, но ветер дует в мою сторону.

Смотрю я на ежа и думаю, что же заставило его выйти из укромного места утром: или за ночь не успел насытиться, или с охоты возвращается?

А еж довольно ловко вскочил на толстую валежину, наполовину вросшую в землю, сделал по ней несколько быстрых шажков, ошетинился и замер.

Стараясь понять его действия, нацепляю очки. На валежине греется на солнце гадюка. Ее узорчатое тело с треугольной головой свито в упругую пружинку: она заметила врага. Но напасть на ежа гадюка не решает-

ся. Скользнув с валежины на землю, она пытается скрыться, но еж проворно устремляется следом за ней.

Почувствовав, что ей не уйти, гадюка вновь занимает оборонительную позицию. Снова оцетинивается еж и, спрятав голову, едва заметными шажками приближается к змее. Вот он уже рядом, но гадюка медлит. Тогда еж кусает ее за хвост. Рассвирепевшая гадюка молнией бросается на врага, бьет его и... накаляется на иголки. В какие-то доли секунды еж успевает убрать мордочку и превратиться в колючий шарик. А обезумевшая от боли гадюка бросается на него снова и снова.

Минут через пять обессиленная гадюка замирает почти рядом с ежом. Он же, осторожно развернувшись, тихонько приближается к ней, хватая зубами и сразу же превращается в колючий шар, а гадюка, начавшая новые атаки, опять встречает только иглы.

Так повторяется несколько раз. Еж не дает змее уползти в густые заросли осочника, куда она стремилась. Минут через двадцать после начала поединка он перегрызает гадюке шею.

ПОЛОСАТИК

В СТРЕТИЛИСЬ мы с ним неожиданно в ту пору знойного лета, когда поспевают духовитая земляника, а с лугов несет ароматами свежего сена. Шел я за ягодами и, пересекая еловый перелесок, вышел на небольшую круглую лесную полянку. Травы на ней — по пояс, сбоку — куча хвороста, в центре — высокий старый пенёк, изрытый ходами древооточцев, словно кусок голландского сыра.

На этом пенёчке и стоял столбиком бурундук. Передние лапки, сложенные словно для молитвы, придавали ему такой комичный вид, что я невольно улыбнулся. Крупные глаза зверька, черные, точно смородина, смотрели настороженно.

Стараясь не делать резких движений, осторожно, шаг за шагом, приближаюсь к пенёчку и пытаюсь внимательнее рассмотреть этого миловидного выходца из Сибири. Величья мордочка, стройное легкое тельце и длинный пушистый хвост. А главное — полоски. Пять

штук. Черные, ровные, они тянутся по спинке и бокам вдоль всего тела.

Мне удалось подойти к полосатику метра на два. Но тут он, видимо, решил, что более близкое знакомство нежелательно. Смешно изогнувшись и свистнув, словно потревоженный кулик, бурундук метнулся с пенька и исчез под кучей хвороста. Только хвостик полоснул по воздуху.

— Ага, гнездо у тебя тут, — подумал я, — Значит, еще встретимся.

Я стал часто навещать своего нового знакомого. Приходил на полянку, садился в сторонке от пенька и ждал. Зверек, показавшись из-под хвороста, всегда сначала взбирался на пенек. Очевидно, он служил ему наблюдательным пунктом. Оглядевшись по сторонам, бурундук прежде всего приводил себя в порядок: смешными движениями передних лапок мыл мордочку, чистил брюшко и хвост. Сразу видно, что полосатик — зверек аккуратный. Недаром и гнездо у него из нескольких «комнат»: гнездовая, кладовка и отдельная уборная. Чистюля!

Приведя себя в порядок, полосатик отправлялся добывать пропитание. Я видел, как он охотно лакомился разными ягодами, с удовольствием грыз белый гриб, выискивал что-то в ветвях высоких елок...

Под осень полосатик зачастил под кучу хвороста. И всегда шел туда с раздутой мордочкой. Это он в защечных мешках носил в норку семена деревьев и трав — готовил запасы на зиму.

С первым снегом полосатик исчез — залег на зимнюю спячку. Надеялся я увидеть его в нынешнее лето, но не пришлось. Кто-то рубил дрова в перелеске, а хворост весь сжег, прихватив и ту кучу, под которой квартировал бурундук. И полосатик, потеряв убежище, переселился в другое место.

ЛЕСНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

В НЕВЕРНОМ свете луны от лесной опушки отделилась голубоватая тень. Еще одна, еще... Э-э, да это зайцы озимью полакомиться собираются! И вовремя — скоро снегом поле так завалит, что до лаковых зеленей не доберешься.

Но недолго пировали в эту ночь косоглазые. Стылый воздух вдруг раскололся—грянул выстрел. Один из зверьков, метнувшись в сторону, упал около торчащих из-под снега кустиков сухой травы. А у другого оказалось простреленным ухо. Это еще быстрее заставило его мчаться к темной ленте леса.

Несколько капель крови, упавших из простреленного уха на снег, подобрала лиса. Смекнула рыжая, что поживой пахнет, и стала распутывать заячий малик.

Заяц в это время пересекал небольшую полянку у дремучего ельника. Темная тень внезапно отделилась от леса и накрыла зверька. Он резко бросился в сторону. Страшные когти полоснули его по спине, но, разрезав кожу, соскользнули. Не разбирая дороги, выскочил заяц на опушку и помчался вдоль молчаливых деревьев. Но силы оставляли его: кровь хоть и медленно, сочилась из распоротой спины. И вот снова тень от могучих крыльев накрыла зайца. В отчаянии косоглазый упал на спину и в тот момент, когда страшные когтицы нависли над ним, он из последних сил ударил хищника задними ногами...

Через несколько минут на месте происшествия оказалась лиса. На снегу, нелепо распластав крылья, лежал филин с распоротым животом. Кумушка быстро расправилась с ним, а насытившись, совсем забыла про зайца...

БУРОЗУБКА

ДЕРЖАЛИ мы кошку — сибирскую, пушистую, зеленоглазую и ласковую. Настоящую кошачью красавицу. Все, кто ни приходил к нам, восхищались ее изяществом и грацией. Жила красавица хорошо. Летом, весной и осенью рыбы ела, сколько хотела — сорок пескарей за один присест убирала! Любила она и сырую картошку, хлеб, молоко и, конечно, мышей. Только не ловила она их. Вероятно, считала это занятие унижающим ее сибирское достоинство. А поэтому, наряду с кошкой, держала мать в доме и мышеловку. Поймает в нее длиннохвостую и преподносит сибирячке: извольте, мол, скушать. Ну, а от такого угощения разве откажешься? И кошка ела, но с таким видом, будто делала матери одолжение.

Много грызунов мышеловкой не переведешь, а мы-

ши, словно чувствуя кошачий характер, совсем обнаглели: возились по ночам на кухне, пищали, катали что-то под шкафом с посудой, шуршали под обоями. Кому же приятно такое соседство? И мы применяли все методы борьбы с ними, даже ежа доставали. Но еж оказался не совсем удобен: по ночам так звонко стучал ногами по полу, так громко пыхтел, носясь по комнатам, что не давал никому глаз сомкнуть. Пришлось отказаться от его помощи. Осенью же, когда землю укрыл мягкий снежок, мыши вдруг начали исчезать.

«Почему бы это? — задумались мы. — Кажется, должно бы наоборот быть: ведь осенью и лесные и полевые мыши к жилью ближе перебираются».

Ответ пришел неожиданно. Однажды утром мать, проверяя мышеловку, восхитилась: «Вот так мышь!» Посмотрел я на нее и тоже удивился. Шерсть бархатистая, буровато-черная, сама малюсенькая, а носик в хоботок вытянут. Преподнесла мать ее кошке, а та понюхала, скорчила презрительную мину и... отвернулась.

«Что за диво? — опешили мы. — Неужели ей лень пойманную мышь разжевать?».

Лишь позже мы узнали, что это была вовсе не мышь, а землеройка. Она к зиме тоже к жилью человека перекочевывает. Летом питается насекомыми, причем очень прожорлива: через каждые два часа ей пища нужна. Если оставить землеройку на ночь в клетке без пищи, к утру она погибнет. А где же зимой столько насекомых добудешь? Ну, уничтожит бурозубка в доме тараканов да мокриц, если они есть... А дальше что? Голодать? Нет! Юркий и смысленный зверек не теряется. Несмотря на мелкие размеры, он справляется с мышами, не дает им покоя ни на чердаках, ни в подполье, ни в чуланах, ни в хлевах. А саму землеройку ни один хищник не трогает — очень уж сильно она мускусом пахнет.

Выведет землеройка мышей в одном месте — в другое перебирается. Настоящий мышинный истребитель! До самой весны с мышами воюет. А весной снова в леса уходит. Жаль вот только, что такой полезный зверек из-за прожорливости своей в мышеловки лезет.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Ваши пернатые друзья

Грачиная смекалка	5
Крылатые барометры	6
Заботливый папаша	6
Скворчинный детсад	7
Кукушечья хитрость	8
Танцоры	9
Свадебные песни дупелей	9
Полевой воробей	10
Домик-невидимка	11
Воронья школа	12
Подаренная свобода	13
Дружная атака	14
Санитар	15
Перевозчикова заводь	15
Бой в воздухе	16
Улетевшая уха	17
Вынужденный переезд	18
Птичьи ванны	18
Пернатый штурман	19
Золотой взрыв	20
Неудачная охота	21
Афонин помощник	22
Беркут	23
Змея в дупле	24
Два храбреца	25
Роговые рукавицы	25
Ястребинка	26
Ловушка	27
Лесной хирург	28
Ревизор	29
След на снегу	29

Лесные обитатели

Лесные находки	33
Где зимуют комары?	34
У сухой осины	35
Хитрый охотник	35
Дятловы нахлебники	36
Беличьи кладовые	37
Коварная лодка	38
У полевой стежки	38
Неуклюжий рекордсмен	39
Жучьи очки	40
Лесные охранники	40
Поединок	41
Полосатик	42
Лесное происшествие	43
Бурозубка	44

Станислав Александрович Топорков
ТРОПАМИ БЕРЕНДЕЯ

Для детей среднего и старшего школьного возраста

Редактор В. К. Лиханова
Художник Б. И. Шабает
Художественный редактор В. С. Вежливцев
Технический редактор С. И. Соколова
Корректор Н. Г. Галкина

ГЕ00386

*

Сдано в набор 26/І-1971 г.
Подписано к печати 11/ІІІ-1971 г.
Формат 84×108/32. (Бумага типографская № 1).
Физ. печ. л. 1,5. Усл. печ. л. 2,52.
Уч.-изд. л. 2,261. Тираж 30 000. Заказ 960.
Цена 8 коп.

Вологодское отделение
Северо-Западного книжного издательства.
Вологда, Ветошкина, 37.

Областная типография,
г. Вологда, ул. Калинина, 3.